

Раздел 1

ЗАПОЛЯРНЫЙ ГОРОД: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ (К 90-летию Мурманска)

И. А. Разумова

РЕЦЕПЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ В РАССКАЗАХ ГОРОЖАН КОЛЬСКОГО СЕВЕРА

В исторических исследованиях последних лет, как и в гуманитарном знании в целом, все больше внимания уделяется понятию «историко-культурная память»¹. Разработка этой категории связана с легитимацией плюралистического подхода к истории, в соответствии с которым любое историческое повествование базируется на селекции и интерпретации материала с позиций определенного субъекта и зависит от сконструированного им и/или исследователем объекта. Рецепция региональной истории (в том числе и локальной — на уровне поселенческих сообществ) обусловлена комплексом факторов: уровнем локального самосознания, моделями времени, в которых осмысливается история края или конкретного города, традициями исторического повествования, принятыми в данной этнокультуре, и рядом других.

Наше внимание обращено к истории относительно молодых городов Мурманской области, что вызвано не только регионоведческим интересом. Фактор возраста городов определяет особенности исторического самосознания городских сообществ. Здесь можно с близкой дистанции увидеть процесс формирования собственно локальной традиции и в перспективе выявить специфику структурирования истории поселенческих групп на стадии их стабилизации. Материалом являются рассказы, полученные в результате устного и письменного интервьюирования жителей городов Апатиты, Кировск, Мончегорск, Снежногорск. Интервью записаны в 2004—2006 гг., и эта работа продолжается². Собираение материала осуществляется по нескольким направлениям: устно-исторические

¹ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. — М.: Языки славянской культуры, 2004.

² Изучение историко-культурной памяти городских сообществ Кольского Севера в настоящее время осуществляется при финансовой поддержке РФФИ, проект № 05-06-97503 «Северный индустриальный город в эпоху трансформаций российского общества: социально-антропологические аспекты».

интервью о городе, семейно-исторические и автобиографические интервью. Респонденты принадлежат к разным поколениям, это позволяет проследить механизм формирования традиции рассказывания об истории города, формы ее трансляции, а также вариативность и динамику исторических знаний, представлений и оценок.

Для многих респондентов старшего и даже среднего поколения возраст городов совпадает с их собственным возрастом. В этих условиях оказывается под вопросом такая, например, структурная закономерность устно-исторического повествования, как наличие «дрейфующей лакуны», которая предполагает отрыв «культурной памяти» (официальной истории, основанной на учебниках и памятниках) и «коммуникативной памяти» (памяти поколений)¹.

Ревизия устно-исторических семейно-биографических нарративов демонстрирует, что значительная часть жителей осознает себя ровесниками городов или ближайшими потомками таковых (со сходными вариантами судеб). Обнаруживается несколько сюжетов, вокруг которых концентрируются истории семей. Прежде всего, это история «спецпереселенцев», депортированных на Север в 1920—1930-е гг.² В последние годы благодаря официальной историографии, деятельности общества «Мемориал», а также по инициативе самих членов семей восстановление биографий высланных, раскулаченных и т.п. актуализировалось. Усилилось и осознание «общей судьбы» репрессированных семей при всей их социальной неоднородности, что сказалось на интерпретации региональной истории. Особенно отчетливо это видно на материале устной истории г. Кировска. Судя по рассказам, город приобрел репутацию построенного «на крови», или «костях»:

«И.: Что вы знаете из истории города? Что сразу вспоминается?

Р.: Ну, то, что основан был в 29 году... в 28-м. В 29-м... Ну-у, Кировский рудник первым был построен в 29-м году. Что тут очень много было переселенцев. То, что построен, можно сказать, на крови... все эти рудники.

И.: На крови?

Р.: Ну... если брать всех этих раскулаченных и-и всех ззков» (М., 41 г., зап. О. Подгорбунской).

История ассоциирована с живым семейным меморатом и включает бытовые реалии:

¹ Vansina, Jan. Oral tradition as history. – The University of Wisconsin Press, 1985. – P. 168–169.

² Шашков В. Я. Спецпереселенцы на Мурмане. – Мурманск, 2003; Тимофеев В. Г. История одной семьи. – Кировск, 2004.

«И.: Что ты знаешь из истории города?»

Р.: Из истории города? Ну вот то, что люди сюда приезжали, что жили в бараках. Бабушка рассказывала... Рудник строили. ...У меня бабушка переселенец. Она рассказывала: жили в бараках, там много-много народу в одной комнате набивалось. Ну, и... даже волосы примерзали. Вот они спали на полу и... утром не могли проснуться, потому что волосы примерзали» (Ж., 24 л., зап. О. Подгорбунской)¹.

Другие категории респондентов — «завербованные» на Север, т. е. сделавшие свой выбор по причинам, связанным с неудовлетворительными условиями жизни, невостребованностью на прежнем месте, а также по рекомендации родных и для воссоединения с ними. Для таких Север и строящиеся города оказались местом «спасения» или, по крайней мере, улучшения существования. Поселение на Севере связано также с идеями эмансипации, желанием начать жизнь «с чистого листа», с личностным самоопределением. В случае добровольного переселения история места жительства — это проекция жизненного пути, поэтому все характеристики места в его прошлом и настоящем являются показателями успешности/неуспешности жизненного проекта индивида, семьи, микрогруппы.

Проецируясь на реальные жизненные обстоятельства субъектов повествования, история города воплощается в устойчивых моделях времени, которые, в свою очередь, выражают определенные типы мироощущения. Они содержат ретроспективные оценки прошлого и перспективные — будущего. Представлены следующие модели: а) линейно-восходящая («оптимистическая»); б) линейно-нисходящая («эсхатологическая»); в) циклическая. Предпочтение той или иной из них в большей степени связано с социальными характеристиками субъекта, чем с конкретным городом, хотя можно наблюдать определенные тенденции: будущее Кировска оценивается, скорее, эсхатологически, в отличие, скажем, от Снежногорска или Апатитов. В целом, преобладает циклическая модель².

Этиологические по смыслу рассказы об основании и наименовании городов излагаются по «классическим» нарративным образцам, но при этом рассказы обнаруживают значительную вариативность. Даже впол-

¹ Все цитируемые тексты находятся в Музее-Архиве Центра гуманитарных проблем КНЦ РАН (г. Апатиты). Указываются пол, возраст респондента и фамилия собирателя, если интервью проведено не автором. Сокр.: И. – интервьюер, Р. – респондент.

² Эта модель, применительно к г. Мончегорску, была проанализирована нами на ином, литературном материале: Разумова И. А., Тарабукина А. В. «Миф о Севере» в стихах поэтов Кольского края // «Во глубине России...»: Статьи и материалы о русской провинции. – Курск, 2005. – С. 106–122.

не ясное имя города Апатиты получает разные интерпретации: «С греческого — обманывающий, т. е. минерал апатит — разный по цвету, и, по-моему, по структуре, и, находя его, геологи думали, что это разный минерал» (Ж., 27 л.). Другая версия: геологи, обманываясь, принимали апатит за драгоценный камень. К устойчивому объяснению добавляются и прочие, вполне традиционные по форме мотивы: «Вообще название нашего города довольно странное, так как с ним связано очень много легенд. Во-первых, были найдены (запасы. — *И. Р.*) ценного камня апатит, поэтому основался город и назван по имени этого месторождения. Странность его заключается в том, что еще до его основания олени райды, которые паслись в этих местах, боялись вступить в круг, с которым совпадают границы этого города. Они оббегали это место каждый раз. Может быть, поэтому наше место называли “черной дырой”. А также существует мнение, что Апатиты произошли от “апатия”, что значит “чрезмерная меланхоличность”. Но я не согласна с этим мнением, потому что жители этого города довольно жизнеспособны и радостны, несмотря на трудности в экономическом плане» (Ж., 18 л.). В объяснении названия сказывается и то, что этнически территория ассоциируется с саамским населением: «Вообще это лаппинское название, означающее “плодородие”. Поэтому апатит часто называют “камнем плодородия”» (Ж., 17 л.).

Статус города определяет культурные значения, сквозь призму которых осмысливаются известные факты и реалии. Так, «закрытые» города наделены свойствами потаенности, «зашифрованности», что сказывается на конкретных интерпретациях:

«И.: Знаете ли Вы о происхождении названия города?»

Р.: Да, конечно. Ну, происхождение, вот это название Снежногорск, оно было закрытым названием и долгое время было как бы закрытым, кодированным городом, т. е. на всех картах город, при всем при том, что он назывался Вьюжный, Мурманск-60, секретным названием его всегда было Снежногорск. И только после того как было постановление Правительства о придании Снежногорску статуса ЗАТО, его назвали его историческим названием — ЗАТО “Снежногорск”» (М., 45 л., зап. Е. Ананьевой).

Устная история городов включает образ «основателя». Для Апатитов (реже — для Кировска) им является академик А. Е. Ферсман: «Ферсманом была открыта богатейшая залежь апатито-нефелиновой руды, в честь этого и был назван молодой развивающийся поселок» (Ж., 17 л.). Рассказывая о выборе имени города Апатиты («был даже объявлен конкурс по всей стране»), информанты отмечают, что в числе урбанонимов предла-

гался «Ферсманград». А. Е. Ферсман, по крайней мере, для жителей Кировско-Апатитского региона, несомненно, фольклорный персонаж. Семейные и корпоративные предания о знакомстве с Ферсманом и связанные с ним истории имеют тенденцию к расширению сферы бытования. В устных текстах А. Е. Ферсман приобретает статусы демиурга и первопоселенца: «Самый известный из связанных с городом людей, безусловно, Ферсман — основатель города, с него началась история Апатит» (М., 17 л.); «Через поселок Кукисвумчорр протекает речка Саамка <...>, в годы освоения Хибин это был бурный поток, в котором водился лосось. И первые поселенцы во главе с Ферсманом рыбачили с одной стороны реки, а с другой ловили рыбу медведи» (Ж., 20 л.).

Создание города или культурного объекта по устному указанию правителя — это нарративный стереотип, хорошо известный по многочисленным фольклорным текстам. На нем основываются и топонимические рассказы о городах. При этом можно наблюдать различные способы адаптации традиционной схемы: от простого наполнения более или менее актуальными реалиями до ироничного обыгрывания клишированного этиологического текста: «Название города пошло от минерала апатит. Просто так. Хотя существует другое объяснение. Академик Ферсман, прогуливаясь в округе своей горной станции “Тиэтта”, спускаясь с горы, упал и порвал штаны о зеленый камень. Но не рассердился и сказал: “Здесь будет город заложен”. Так и появились Апатиты» (М., 19 л.).

Тот же самый сюжетобразующий мотив встречаем в рассказе о Снежногорске:

«И.: А само название “Снежногорск” откуда?»

Р.: Кто его знает? Трудно сказать. Я скорее могу сказать, откуда название “Нерпа” появилось, судоремонтного завода “Нерпа”. Название “Нерпа” произошло оттого, что в бухте, где сейчас находится судоремонтный завод “Нерпа”, зимой она замерзала. А весной, когда был... нельзя назвать нерестом, а период появления потомств у нерп, нерпы приходили на завод для того, чтобы родить себе потомство. В общем-то, на льду, в бухте, где сейчас находится завод “Нерпа” было несколько тысяч особей. И когда выбирали площадку для завода, и уже решение практически было принято, значит, о том, что площадка, завод будет построен в бухте Кут, бывший министр обороны, ныне бывший главком ВМФ Горшков задал вопрос Устинову: “А как же новый завод-то назовем?” Ну, Устинов увидел на льду нерп и сказал: “Ну, как? Видишь нерп, давай нерпой и назовем”. Вот и все. Так и назвали. С тех пор завод “Нерпа» (М., 46 л., зап. Е. Ананьевой).

Рассказы о «начале» городов обнаруживают тенденцию к фольклорной стереотипизации. В соответствии с типовой схемой, «догородское» состояние отмечено начальным «доисторическим» персонажем. Для Кольских городов им закономерно оказывается представитель автохтонного населения — саам (один или с семьей). В истории Мончегорска таковым является Калина Архипов, которому отведено место и в экспозиции городского музея, и в стихах местных поэтов, и в устных рассказах. Аналогичный персонаж появляется в устной истории г. Кировска:

«И: А что вы знаете из истории города?

Р: Ну, что... как... М-м-м... Из истории города... Что раньше здесь вот эта... семья жила саамская, да? Вот... на 25-м-то. Пришли искать руду... потом, потом. Ну вот, потом, когда строительство фабрики пошло, всех основных заводов... Что строили его э-э-э... эти, заключенные. И основная масса людей здесь, конечно, были эти... переселенцы. Немцы здесь были ссыльные. Ну... это слух такой ходил. Что строили ээки, то есть... И естественно, там никакого ухода, ничего не было. Там заболели, драка, если что... что их муровали в стены. Но слух это, правда... это я... Утверждать точно не буду» (Ж., 33 л., зап. О. Подгорбунской).

Отметим, что мотив замуровывания в стену человека в качестве «строительной жертвы» относится к типовым в фольклорных нарративах о строительстве городов, крепостей, культовых зданий и т.п. Здесь он возникает в связи с иными социально-историческими контекстами, но, думается, не случайно.

Фольклоризация устной истории свидетельствует о стабильности и относительной культурной автономии поселенческих групп. Она же демонстрирует устойчивость интерпретативных схем, на основе которых рождаются городские рассказы:

«И вот история про Кировск-то. Ты вот знаешь про наш вокзал? Его, короче... у нас шесть Кировсков, да, по стране. И, в общем, короче нас перепутали. Должны были в какой-то другой области строить этот вокзал. Ну, на вид он был шикарный. И сейчас там будут морг делать рядышком с вокзалом. Вот. В общем, строителю звонят: “Ну что, выезжаете?” “Выезжаем”. Ну вот, короче, это самое... Тот строительство начинает... Короче они уже закончили, построили. Он говорит: “Вы когда, чтоб мол, строить”. “Так мы вам уже построили...” То есть, он по... ошибочно. У нас же там такая... только руду возят. Так вот, такие поезда не ходят... пассажирские. Шикарный вокзал» (Ж., 33 л., зап. О. Подгорбунской).

Изучение истории края и городов, как она воспринята и изложена самими жителями, дает возможность, с одной стороны, установить ха-

ракти влияния субъективного фактора на осмысление истории (на уровне поколения, микрогруппы, локального сообщества, индивида и пр.), с другой — выявить роль традиционных повествовательных моделей в конструировании прошлого. Именно универсальные культурные стереотипы «обуславливают отбор жизненного материала, сохраняемого коллективной памятью в качестве значимого»¹.

¹ Неклюдов С. Ю. Исторический нарратив: между «реальной действительностью» и фольклорно-мифологической схемой // Мифология и повседневность: Материалы научной конференции 18–20 февраля 1998 года. — СПб., 1998. — С. 292.